

SERAVIN Aleksandr Igorevich, Cand.Sci. (Pol.Sci), Researcher at the Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, St. Petersburg, Russia, 199034; electoral.politic@gmail.com)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE POLITICAL PROCESS: FUTURE CHALLENGES

Abstract. The article attempts to analyze the potential impact of artificial intelligence on the political process, to reveal the problems of synthesis of digital technologies, modern achievements in the field of artificial intelligence on political institutions and processes. The article reveals the ambivalence of understanding artificial intelligence, presents the main directions of managing artificial intelligence in the context of the political process, summarizes the functions of managing the risks of introducing artificial intelligence into the political process. The article states the inevitability of the influence of artificial intelligence technologies being developed at an accelerated pace on society, the process of political participation, and civil society institutions. Using foreign experience as an example, the author identifies the risks of implementing artificial intelligence in socio-political processes, determines possible directions for the development of AI to include the public sphere and the political process, and the impact of AI on the process of democratization of society.

Keywords: artificial intelligence, politics, political process, digitalization, democracy

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович — доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. Владимира Даля (291034, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, квартал Молодежный, 20А)

ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: РАСПРЕДЕМЧИВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ

Аннотация. В статье отмечается важность понимания проблемности фиксации эволюции социально-политических и иных констант жителей Луганской Народной Республики с учетом длительности периода трансформаций и, соответственно, разности оценки данных изменений представителями различных поколенческих когорт. Автор приводит условную периодизацию общественно-политической эволюции позиционирования луганских избирателей с 1991 по 2014 г. и составляющие современной истории ЛНР с момента провозглашения независимости и до вхождения в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Луганская Народная Республика, электоральные особенности, константы, периодизация, поляризация, эволюция взглядов

Статья подготовлена в Луганском государственном университете имени Владимира Даля в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (FREE-2024-0006, «Культурные константы и когнитивные изменения в условиях институциональных трансформаций новых регионов России (опыт ЛНР 1990-2024 гг.)»).

Анализ эволюции социально-политических, социокультурных и тем более социально-психологических констант жителей современной Луганской

Народной Республики – сложнейшее пространство исследования по целому ряду причин. Во-первых, значителен временной лаг, предполагающий научные замеры и обобщения. Более чем 30-летний период оценки любых исторических событий, особенно в условиях повышенной турбулентности политических, экономических, технологических и социальных процессов, сложно выверяем и верифицируем. За период с начала 1990-х гг. по настоящее время произошла фактически смена поколений, и, можно сказать, не одна. Для кого-то 90-е годы прошлого столетия – это еще вполне осязаемая реальность, а для кого-то – давняя история, плохо различаемая через школьную программу, которая к тому же постоянно претерпевает изменения.

В качестве примера можно привести следующий аргумент: в этом году в университетские аудитории в большинстве своем пришли те, кто родился в 2007 г. Таким образом, так называемый первый майдан 2004 г. на Украине для них находится за пределами начала их биографии, а в 2014 г., во время «второго майдана», им было лишь 7 лет. Поэтому, когда говорится и оценивается некая эволюция взглядов, политических и культурных приверженностей, психологических настроений, необходимо считаться с тем, что речь идет преимущественно о тех, кому сегодня за 50, кто в достаточно сознательном возрасте воспринимал события 1991 г. и весь последующий неоднозначный марафон социально-политических, культурных, когнитивных и иных изменений.

Во-вторых, сама процедура эмпирических замеров эволюции и революции взглядов, ценностей, смыслов и т.д. до сих в научном мире представляет собой сплошное полемическое поле, на котором сражаются (если взять в качестве примера ту же социологию) приверженцы качественных и количественных методов исследований, редко приходя к единому конструктивному знаменателю. Сколько научных и псевдонаучных копий сломано, например, в дискуссиях об изменениях, происшедших в российском, а затем советском государстве с 1917 по 1950 г.! Специально приводим данный временной аргумент, совпадающий по срокам с ныне исследуемым периодом в 34 года.

В-третьих, имеет место известная субъективизация оценок, непосредственно или опосредованно вытекающая из сопричастности значительной части аналитиков к логике существенных трансформаций. Ряд из них за прошедшие 30 лет неоднократно изменяли идейные позиции, политические приверженности, оценки происходившего и происходящего. Накладывает свой отпечаток и нынешний жесткий этап политической, идеологической и даже пространственно-административной поляризации научного сообщества, оказывающий влияние на сложность условной аналитической «нейтральности» оценочных суждений.

Несмотря на данные предостережения и проблемные моменты, актуальность попыток осуществления анализа эволюционирования взглядов, предпочтений, социально-психологических настроений, культурных доминант на территории ЛНР не вызывает сомнения. Как минимум, данные разработки могут служить подспорьем для последующих социальных, культурологических и исторических исследований, когда нынешние события станут отдаленной реальностью, а затем перейдут в категорию солидного (по временным параметрам) прошлого. Прикладная же значимость подобного рода исследований в режиме «сегодняшнего дня» обуславливается важностью формирования понимания, с каким багажом ЛНР вступает в новый этап своего развития, а именно в качестве полноценного субъекта Российской Федерации.

Целью публикации выступает общая характеристика наиболее отчетливых этапов эволюционирования на протяжении последних десятилетий Луганской Народной Республики (до мая 2014 г. — Луганская область) в рамках кардинально трансформирующегося социально-политического пространства (от распада СССР до вхождения в состав Российской Федерации).

По понятным причинам академическая и научная литература в сложившихся условиях не может выступать солидным подспорьем, поскольку в российских журналах публикации на данную тему до последнего времени встречались крайне редко. Имело место обобщение опыта крымских событий. Однако, конечно же, ситуация с бывшей Крымской автономией, мирным путем перешедшей в статус полноценного субъекта Российской Федерации, не может служить отражением процессов, происходивших в ЛНР.

В методологическом плане, возможно, целесообразно опираться на разработки известного советского и российского социолога Ж. Тощенко, предложившего еще в начале века рассматривать многие процессы, происходящие на постсоветском пространстве, с позиций социальных парадоксов [Тощенко 2001], а также смысложизненных установок [Тощенко 2016]. Целый ряд уместных и полезных выкладок, характеризующих социум в реалиях новых военных конфликтов, содержится в статье О. Яницкого «Современные войны: взгляд социолога» [Яницкий 2015]. Автору также пришлось высказываться о специфике социальных отношений в условиях военных действий непосредственно в Донбассе [Яковенко 2019]. Однако данный материал можно считать как раз-таки одним из примеров субъективной оценки человека, непосредственно пребывающего в зоне конфликта. В русле исследовательских задач можно учитывать наработки В. Нечаева, в частности его публикацию «Когнитивные революции и институциональные изменения» [Нечаев 2002], которую, кстати говоря, автор предваряет честным замечанием о том, что проблема институциональных изменений остается одним из наименее проработанных элементов неoinституциональной теории. Таким образом, полноценное изучение процессов, происходивших в ЛНР за последние годы, повторимся, еще ждет своих политологов, историков, культурологов, социологов, психологов и даже философов.

Пестрота социально-политических изменений и особенности Луганщины

Среди зримых маркеров, характеризующих эволюцию необходимости фиксироваться в различных социально-политических пространствах, достаточно указать очевидные: на территории нынешней ЛНР представители поколения, неплохо помнившие времена СССР, за исследуемый период сменили четыре флага и, соответственно, четыре гимна. Хотя в большей степени повышенную динамику изменений, конечно же, можно наблюдать за последнее десятилетие, захватывающее в т.ч. и относительно молодые поколенческие группы. Уже упоминавшиеся нынешние студенты-первокурсники 7 лет прожили на Украине, 8 лет — сугубо в ЛНР и 2 года официально в составе РФ. Естественнo, исторические и даже социокультурные prerogatives были различными и весьма подвижными, впрочем, в чем-то сохраняя свою устойчивость. Применительно к Луганской области, а затем и ЛНР можно говорить, например, о сохранении героики Великой Отечественной войны с привязкой к подвигу молодогвардейцев, который, впрочем, также изменял параметры значимости на протяжении последних тридцати с лишним лет. Так, после 1991 г. подвиг героев подпольной молодежной организации «Молодая гвар-

дия» из культурно-героического феномена общесоюзного масштаба (даже всего социалистического лагеря) приобрел значение регионального, а до недавнего времени — почти местечкового. Однако в настоящий момент он получает новый импульс возрождения во всероссийском звучании.

При оценке же политического вектора самоопределения ЛНР важно первоначально отметить следующую сугубо пространственно-административную особенность бывшей Луганской области. Она заключается не в некогда постоянно подчеркиваемом ее расположении «поэтико-политического» характера — «область, где встает солнце». Эта выверенная политехнологическая идеологема постоянно звучала с момента фиксации области в качестве крайне восточной на украинской карте и была призвана тешить самолюбие населения и управленческого аппарата. Однако наиболее примечательным в географическом расположении области можно считать тот факт, что ее внешняя граница, т.е. протяженность непосредственного выхода и «соприкосновения» с РФ, всегда была больше, нежели ее внутренняя граница с Украиной. Ни одна пограничная область бывшей Украины такой отличительной чертой не располагала. Соответственно, объем миграций, переплетенность житейских судеб, культурные и особенно экономические, включая и их криминальную составляющую, «перетоки» были максимальными. Именно значительная протяженность границы обеспечивала один из хорошо известных в регионе, но по понятным причинам мало описанных в научной литературе социально-экономических феноменов, который влиял (особенно в приграничных городах и поселках) на общую атмосферу. Речь, в частности, шла о широко развитой сети бизнеса, построенного на контрабанде, особенно углеводородов. Смены политических векторов в Киеве лишь приводили к изменениям персоналий, контролирующих стабильное функционирование отлаженных бизнес-схем.

Относительно же электоральных особенностей заметим, что избиратели Луганской области во время президентских выборов всегда голосовали «не по правилам», зачастую не ориентируясь на очередные киевские договорные установки. В 1994 г. большинство луганчан проголосовали за Кучму вместо официально продвигаемого Кравчука, в 1999 г., напротив, за Симоненко в альтернативу к устраивавшему к тому моменту все элиты, включая западно-украинские, Кучме. Потом имели место одни из самых высоких показателей поддержки Януковича даже тогда, когда было условлено согласиться с кандидатурой Ющенко через процедуру третьего тура выборов.

В большинстве случаев Киев с подобного рода оппозиционностью мирился. Наиболее красноречивым примером выступило упомянутое избрание на второй срок Леонида Кучмы. Тогда бывший президент простил региональной элите Луганской области победу в их вотчине представителя КПУ Симоненко, при том что Донецкая область обеспечила в своем также на тот момент прокоммунистическом регионе победу действующему президенту. Инициатива проведения теперь уже подзабытого Северодонецкого съезда (Всеукраинский съезд народных депутатов всех уровней, ноябрь 2004 г.) сторонников Януковича, интернированного из победителей президентской гонки в результате кулуарных договоренностей через механизм нелегитимного третьего тура выборов, и значительная часть организационной работы по успешному проведению данного фрондерского мероприятия принадлежала именно луганской политэкономической верхушке. Целый ряд влиятельных представителей Донецка на тот момент склонялись к договорным стратегиям в отношении команды В. Ющенко. Всем погруженным в элек-

торальное поле Донбасса хорошо была известна данная внутрирегиональная специфика политической дипломатии.

К периодизации общественно-политической эволюции

Говоря о периодизации политической эволюции, затрагивавшей трансформации и иных сфер жизнедеятельности, можно констатировать: за прошедшие 33 года существования луганской земли вне Советского Союза в самой грубой градации она прошла три общественно-политических и во многом даже социокультурных макроэтапа: 1) «прокоммунистический», условно «ностальгически советский»; 2) «регионалистический», умеренно пророссийский; 3) собственно ЛНРовский, акцентированно пророссийский. Их можно выделить, опираясь на показатели электоральных пристрастий и соответствующие им изменения политических предпочтений.

Первый этап включает период с 1991 по 2004 г., когда доминирующие симпатии луганчан были на стороне левых партий: Коммунистической, Социалистической и ПСПУ (партия Натальи Витренко). Второй этап связан с поддержкой персонально Януковича и Партии регионов (2004–2014 гг.). Третий этап — с момента провозглашения независимости до вхождения в состав Российской Федерации (2014–2022 гг.).

На протяжении двадцати двух с половиной лет пребывания в составе Украины Луганская область стремилась сохранить свою особость, и прежде всего — в культурно-исторической сфере. Имели место примеры оппонирования, несвойственные другим регионам. Так, например, Луганская академия внутренних дел после событий 2004 г. и назначения на пост министра внутренних дел Ю. Луценко не приняла его кадровые решения по смене руководства вуза, а ее ректор генерал Дидоренко судился с новой властью, добиваясь отмены своего увольнения. В большинстве высших учебных заведений не спешили выполнять киевские директивы о переводе образовательного процесса на украинский язык. До весны 2014 г. в Луганской области сохранялся компромисс между внешней проукраинской политической атрибутивностью и естественной пророссийской бытийственностью.

Касаясь культурных аспектов изменений, важно помнить, что за прошедшее с 1991 г. время выросло и даже успело сформироваться целое поколение, которое оказывалось связанным с Россией только через ностальгические воспоминания своих родителей, бабушек, дедушек и других родственников, а также посредством первоначально теле-, а затем и интернет-пространства общих информационно-культурных коммуникаций. Остаточный ресурс советского кинематографа, российская сериальная культура (условно от «Сватов» и «Ликвидации» до «русских боевиков»), мультипликация («Смешарики», «Фиксики», «Маша и медведь» и др.), раскрученные яркие представители различных музыкальных течений, спорта, шоу-бизнеса, стендапа, КВН и т.п. — вот базисные основания сохранявшихся связей молодежи Луганщины с некогда большой Родиной.

В политическом плане Россия для молодых жителей Луганской области становилась все более и более отдаленной, а посещение крупных российских городов, включая Москву, выпадало из карт активных и приоритетных путешествий и экскурсий. Научное и образовательное сообщества постепенно и неуклонно окукливались в рамках внутриукраинской проблематики, начиная активно переориентироваться на западный вектор связей и отношений, поддерживаемых в этом направлении соответствующими фондами, многочисленными программами, грантами и т.п.

Элитные группы эволюционировали в том же векторе, что и их коллеги из всех бывших союзных республик. Исключение составляли фигуры, ориентированные на РФ посредством бизнес-связей. Но и они понятным образом диверсифицировали свои приоритеты экономических интересов. А дети и внуки прагматически пророссийски настроенных бизнесменов и управленцев осваивали при помощи влиятельных родственников преимущественно все те же западноевропейские и североамериканские образовательные, а затем и бизнес-локации.

Обретение независимости: новый этап

Недавний исторический этап в развитии Луганщины, начавшийся с момента создания Луганской Народной Республики, также далеко не однороден. И его можно с очевидной долей условности разделить в политическом плане на четыре составляющих: 1) активную фазу боев и институциональное оформление республиканских органов власти (с весны 2014 г. до заключения минских соглашений в феврале 2015 г.); 2) руководство республикой И. Плотницким; 3) руководство республикой Л. Пасечником; 4) легитимацию в качестве субъекта Российской Федерации с момента начала СВО до официального вхождения в состав РФ.

Особым трагическим актом в цепочке резонансных событий, предопределивших ощущение утраты связи Луганска с украинским политическим ландшафтом, выступает, конечно же, 2 июня 2014 г. Авиационная атака на бывшую обладминистрацию с попаданием НУРов в парковую зону в центре города означала прямое подтверждение возможности истреблять луганчан, прикрываясь открытой ложью. Фразы: «сами себя обстреливают», «взорвался кондиционер» — стали достаточно популярными и драматически-шутливыми именно благодаря обстрелам и попыткам захвата административного центра республики летом—осенью 2014 г.

Оценивая ситуацию нахождения ЛНР вне политической системы РФ, важно особо подчеркнуть: 8 лет ЛНР пребывала в пограничном, фактически в «подвешенном» состоянии. Политическая, экономическая и правовая неопределенность формировали особый микроклимат и восприятие социального пространства, которое, возможно, потребует еще отдельного изучения. Социум оказывался и, в конце концов, пребывал значительный промежуток времени в атмосфере вялотекущей войны с сохранением основных атрибутов мирной общественной жизнедеятельности (образование, культура, здравоохранение, соцобеспечение). Сохранялся и постоянный миграционный процесс, активно осуществлявшийся в обе (!) стороны.

На бытовом уровне складывалась уникальная ситуация, которая вошла в местную историю под названием «пенсионный туризм». Значительная часть пенсионеров пересекала границу республики с Украиной и, сняв свои пенсии, возвращалась обратно. Также была и часть тех, кто, переехав на Украину, периодически въезжали на территорию ЛНР для получения пенсии в качестве жителей республики. Данный «пенсионный» бизнес создавал соответствующую инфраструктуру и логистику, приучал к меркантилизму и даже «развращал» достаточное число жителей бывшей Луганской области.

В целом же ситуацию в республике на тот момент можно кратко охарактеризовать как социальное изгойство при дозированной поддержке энтузиастов, а также ряда официальных структур и партий Российской Федерации. В республике отчетливо воплотились черты и характеристики, представленные

упомянутым российским социологом О. Яницким в отношении современных войн (СВ): «отсутствие четкой грани между миром и войной; нет и привычного разделения на фронт и тыл; если считать по степени опасности СВ и вовлеченности в нее, то нет и разделения на вооруженные силы и остальное население; в условиях СВ нет абсолютно безопасных мест: есть только более или менее безопасные. СВ — это зона всеохватывающего риска, причем риска подвижного, мигрирующего, а поэтому трудно предсказуемого» [Яницкий 2015].

Отдельно, пусть и кратко, целесообразно отметить наличие известного социально-психологического феномена, получившего широко распространенное название «ждуны». Сегодня о них уже принято говорить, хотя и преимущественно приглушенно. На самом деле феномен заслуживает специального научного исследования и объяснения, хорошо вписываясь в задачи оценки эволюционирования социально-политических предпочтений и ценностных доминант жителей ЛНР, ДНР, а теперь уже и освобожденных территорий Запорожской и Херсонской областей. Их спектр весьма широк — от активных пособников врагу до тайных антагонистов вначале провозглашению независимости ЛНР, а затем и включению ее в состав Российской Федерации, способных с той или иной степенью умелости маскироваться под правильными лозунгами. Характер, формы, особенности приспособления, адаптации и «врастания» в новые реалии значительного числа людей, настроенных или тем более агрессивно настроенных в отношении Российской Федерации, повторимся, требуют особого детального анализа. Отметим лишь, что подспорьем в понимании внутренней расщепленности сознания представителей данной социальной группы могло бы выступить обращение к давним разработкам Ж. Тощенко о парадоксах современного (и не только современного) человека. Для иллюстрации приведем лишь одну характерную цитату: «Наш дезориентированный современник нередко, сам того не замечая, исповедует противостоящие друг другу истины и, что поразительно, относится к взаимоисключающим мнениям и суждениям с доверием, ориентируясь на них вполне искренне, часто не замечая этого потрясающего несоответствия» [Тощенко 2001].

С началом СВО в Луганской Народной Республике стала наконец оформляться гражданско-правовая и политическая определенность. Произошла поляризация выбора. Часть луганчан переехали на Украину, часть — в Россию, часть остались дома. Статистические данные во многом условны и пока не могут служить надежным подспорьем. Кроме того, имела место существенная миграция из неблагоприятных районов бывшей области в Луганск или в города и районы с меньшей интенсивностью и вероятностью обстрелов. В то же время важно отметить тот факт, что относительно стремительный процесс освобождения республики позволил большинство территорий бывшей Луганской области включить в ее состав без существенных разрушений. Исключение составляют Северодонецкая агломерация (Северодонецк—Лисичанск—Рубежное), Кременской и Сватовский районы.

В заключение отметим, что на сегодняшний день ЛНР своеобразным образом располовинена. В ней пытаются сочетаться две составляющие: территории, находившиеся в ЛНР по результатам событий 2014 г. и минских соглашений, и территории, присоединенные по итогам успешных действий российских войск весной 2022 г. Последние с 2014 г. находились под плотной опекой украинских антироссийских нарративов. При этом наиболее убежденно пророссийские жители этих территорий в большинстве своем мигрировали

в ЛНР или в РФ, в самом же худшем случае были привлечены к ответственности за организацию майских референдумов о независимости 2014 г.

Как бы то ни было, с сентября 2022 г. стартовал новый отсчет культурного, политического и социально-экономического развития региона в качестве полноценного и полноправного субъекта Российской Федерации.

Выводы

Предметный анализ эволюционирования современной Луганской Народной Республики в рамках социально-политического пространства от распада СССР до вхождения в состав Российской Федерации представляет одновременно как огромный интерес, так и большую сложность. Последнее обуславливается целым рядом факторов — от пространственно-временного до поколенческого.

С начала 90-х гг. прошлого века до весны 2014 г. можно было наблюдать своеобразную трансформацию многих луганчан от просоветской и активно прокоммунистической ориентации к пророссийской с постепенным привыканием к новой реальности в пределах институциональных форм Украины. Драматические события весны—осени 2014 г. разделили Луганщину не только военно-административно, но и по многим существенным и даже сущностным общественным параметрам. При этом сохранялся определенного рода «переток» социальных связей и отношений, например в рамках так называемого пенсионного туризма.

Начало специальной военной операции обусловило поляризацию административного и во многом социально-политического самоопределения жителей ЛНР и бывшей Луганской области. Достаточно быстрое освобождение значительной части ЛНР характеризует отличие республики от ситуации в других исторических территориях РФ, включенных в ее состав по результатам референдумов в сентябре 2022 г. В то же время нельзя сбрасывать со счетов пребывание так называемых северных территорий в течение 8 лет (до начала СВО) в идеолого-информационном пространстве бывшей Украины.

Список литературы

Нечаев В.Д. 2002. Когнитивные революции и институциональные изменения. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 6-19.

Тощенко Ж.Т. 2001. *Парадоксальный человек*. М.: Гардарики. 398 с.

Тощенко Ж.Т. 2016. *Социология жизни*: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 399 с.

Яковенко А.В. 2019. Социолог в условиях вооруженного противостояния в Донбассе. — *Социологические исследования*. № 7. С. 143-151.

Яницкий О.Н. 2015. Современные войны: взгляд социолога. — *Социологические исследования*. № 5. С. 156-164.

YAKOVENKO Andrey Vyacheslavovich, Dr.Sci. (Soc.), Professor, Head of the Chair of Sociology and Social Technologies, Lugansk Vladimir Dahl State University (20A Molodezhny Quarter, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia, 291034)

LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC: REFLECTING ON THE SOCIO-POLITICAL PAST

Abstract. The paper notes the importance of understanding the problematic nature of fixing the evolution of socio-political and other constants of the residents of the Lugansk People's Republic, taking into account the duration of the transformation period and, accordingly, the difference in the assessment of these changes by representatives of different generational cohorts. The author presents a conditional periodization of the socio-political evolution of the positioning of Lugansk voters from 1991 to 2014 and the components of the modern history of the LPR from the moment of independence to its incorporation into the Russian Federation.

Keywords: Lugansk People's Republic, electoral features, constants, periodization, polarization, evolution of views